

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

Г. М. Бирженюк	заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
Ю. И. Вдовин	доцент кафедры журналистики СПбГУП
Ю. С. Голигорский	журналист, продюсер (Великобритания), профессор кафедры журналистики СПбГУП
М. С. Гусман	первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС», доктор политических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ
Н. А. Донсков	доцент кафедры журналистики СПбГУП
А. С. Запесоцкий	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
Ю. А. Запесоцкий	доцент кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, кандидат культурологии
Т. Кент	заместитель главного редактора агентства «Ассошиэйтед Пресс» (США)
М. А. Мануильский	заместитель главного редактора журнала «Человек» Президиума РАН, кандидат философских наук
Л. В. Матвеева	профессор кафедры методологии психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук
А. С. Мусатова	менеджер проектов маркетингового агентства (Самара)
М. Р. Проскураков	профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор филологических наук
В. Тарпли	писатель, журналист, публицист, президент Washington Grove Institute (США), доктор философии
В. Т. Третьяков	декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова

М. С. ГУСМАН: — Уважаемые коллеги! Вчера в этом без преувеличения одном из лучших вузов нашего Отечества начались очередные Лихачевские чтения. Не знаю, все ли здесь присутствующие имели удовольствие побывать на открытии, но это было настоящее пиршество духа, интеллекта, звучали действительно замечательные выступления, которые сегодня, как мы надеемся, продолжатся в разных секциях. Эти Чтения проходят 15-й раз благодаря подвижнической миссии ректора Университета профсоюзов Александра Сергеевича Запесоцкого, который этот, на мой взгляд, невероятный по тяжести и фантастический по важности груз тянет уже 15 лет вместе со своим замечательным коллективом, профессорско-преподавательским составом Университета, своими соратниками, коллегами.

Сегодня мы планируем обсудить вопросы, связанные с жизнью современных медиа. Наша секция называется «Информационные вызовы XXI века и свобода СМИ». Это широкие понятия. Здесь много о чем

можно говорить. Думаю, по этой проблематике у нас состоится интересная дискуссия, потому что в этом зале присутствуют выдающиеся профессионалы, каждого из которых я знаю не один десяток лет. Это Томас Кент — заместитель главного редактора крупнейшего и, на мой взгляд, самого авторитетного мирового агентства «Ассошиэйтед Пресс»; Виталий Третьяков — человек, одно имя которого является, мне кажется, брендом российской журналистики, российских медиа. Даже одни эти имена говорят о том, насколько интересной может быть наша дискуссия. А сейчас слово предоставляется ректору Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, организатору Международных Лихачевских научных чтений Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, я рад всех вас здесь видеть, это большая честь для нашего Университета. Прежде всего я выступаю от имени Оргкомитета, но поскольку веду и научные исследу-

дования в области средств массовой информации, рекламы и связей с общественностью, то воспользуюсь случаем и скажу несколько слов по содержанию нашей сегодняшней встречи. Я должен отметить, что для нас очень важно наличие этой секции в программе Чтений, поскольку сейчас никакие проблемы в мире не решаются в отрыве от средств массовых коммуникаций, электронных СМИ и т. д. В связи с этим я хочу заметить, что сами журналисты спорят о том (и для них это очень важно), что является средством массовых коммуникаций, средством электронного общения и т. д. Между тем рядовые граждане, так же как политики, живут в едином, очень обширном информационном пространстве. И сегодня мало кто до конца представляет, какую роль играет это пространство.

Думаю, что дальше всех в понимании происходящего продвинулись, как ни странно, художники. В фильмах, созданных по таким сценариям, как «Матрица», герои живут в виртуальной реальности, но на самом деле это уже действующая модель существования нашего мира. В глобальном пространстве произошел, на мой взгляд, трагический разрыв между традиционной журналистикой и журналистикой, которая понимается как коммерция, как некая торговля информацией. При этом коммерциализированная журналистика часто не делает различий между достоверной и недостоверной информацией. И поскольку во главу угла ставится торговля информацией, то если оказывается, что выгоднее торговать недостоверной информацией, то журналистика так и делает. И в целом журналистский мир все больше относится к своей работе как к определенному коммерциализированному сбытовому процессу. В этом смысле торговля информацией ничем не отличается от торговли йогуртами. И если у нас сейчас в магазинах выгодно продавать рыбу, которую предварительно клали в воду, чтобы она набрала вес, или торговать недоброкачественным продуктом, то все эти «этические» нормы поведения, нормы представления о своей деятельности очень быстро распространяются на сферу журналистики.

В то же время для России всегда была очень важна научная рефлексия того, что происходит в обществе, государстве и т. д. Под партийным руководством не обо всем можно было говорить и не все можно было исследовать. Но сейчас мы сталкиваемся с другой крайностью, когда процессы, реально происходящие в средствах массовых коммуникаций, в электронном мире, вообще толком не исследуются. То есть они исследуются, конечно, но в основном с позиций деградировавшей российской социологии. Вообще-то социология — это прежде всего совокупность обобщающих теорий различного уровня, объясняющих, что происходит в обществе. Но в нашей социологии теорию заменили бесконечные опросы. Можно опросить людей определенным образом и сказать: наше общество хочет того-то, граждане думают так-то. Это хорошо продается и тесно смыкается с рыночной социологией. Что надо сделать, чтобы хорошо продать товар? Надо опросить людей, узнать их мнение, скажем, о кофе, колготках или памперсах. То же самое и с социологией реальной общественной жизни: опросили и продали.

Допустим, если в сфере электронных СМИ и наблюдаются признаки какой-то науки, то это скорее подобие науки и ее узкий спектр: выясняются рейтинги, механизмы влияния, продаваемость и т. д. Никаких крупных обобщающих теорий того, что происходит в СМИ, сегодня нет. Например, сейчас Виталий Товиевич Третьяков пишет о теории телевидения. И сам этот факт меня изумляет. Я, конечно, не хочу критиковать коллег, но мне врезалась в память кандидатская диссертация Светланы Агапитовой, которую она защитила лет 10 назад у нас в Университете. Диссертация была посвящена работе Ленинградского телевидения 1970-х годов. Понимаете, к тому моменту уже больше 10–15 лет телевидение работало в совершенно новых условиях, а Светлана Юрьевна написала о телевидении 1970-х. Очень просто написать такую диссертацию, потому что это уже давняя история. Я это могу сравнить с одним ученым-историком, который, работая у нас на кафедре истории, изучал проблемы индейцев Аляски, как будто в российском обществе нет других, более важных для жизни людей вопросов.

Мы сегодня даже не вдумываемся в то, какое влияние СМИ оказывают на нашу жизнь. Дмитрий Анатольевич Медведев в бытность президентом говорил: «Совершаются преступления, граждане плохо себя ведут на дорогах. О чем вообще школа думает? Чем вузы занимаются? Как они воспитывают нашу молодежь?». Никто в нашем обществе даже не заметил, что система образования утратила воспитательные функции и превратилась в систему обучения. А функции эти ненавязчиво были переданы телевидению. И сейчас за воспитание надо спрашивать не со школьных учителей, а с телевидения. Константин Эрнст как-то выступал в программе у Виталия Товиевича Третьякова (что меня потрясло в свое время), прямо говорил: да, мы ненавязчиво воспитали всю страну, потому что с самого начала реформ в виде сериалов предлагали новые модели поведения граждан, которые смотрят на экран и учатся жить, разговаривать, строить отношения. У них все жизненные коллизии такие, как в сериалах, они относятся к жизни так, как в сериалах. Константин Эрнст прямым текстом сказал, что учителя можно послать, сказать: «Кто ты такой вообще? Что ты тут нас учишь? Что ты нам мораль читаешь? Мы свободны». Как Ксюша Собчак говорит: «Отстаньте, старичье, от нас всех. Мы тут сами решаем, как нам жить». А телевидение нельзя послать, потому что оно развлекает и воспитывает под видом развлечения. Телевизор становится не только средством развлечения, расслабления, но сегодня еще и главным учителем жизни.

Нам кажется, что средства массовых коммуникаций несут удивительную свободу, например Интернет. Но у нас, между прочим, Google или Яндекс в поисковиках, когда дают информацию по запросам аудитории, расставляют последовательность ее отображения особым образом. Они присваивают информации определенные весовые коэффициенты. Вот, например, у Татьяны Толстой и ее блога — 100. А у «Литературной газеты», которая публикует выступления

ярчайших писателей и мыслителей — где-то 30 с небольшим. Значит, все, что скажет Толстая, попадет в поисковики с огромным коэффициентом (а значит, и первые строчки в запросах), а все, что скажет «Литературная газета», аккумулирующая мнения огромного писательского и мыслительного слоя страны, в поисковиках проявится, но окажется где-то внизу. Это означает, что средства массовой коммуникации не просто манипулируют людьми — они манипулируют каналами информации, выдергивая, выделяя из культуры и ставя на первое место одни явления и задвигая на задворки культуры другие, иногда делая их третьесортными. Например, в Петербурге есть историки, которые великолепно пишут правду о блокаде. И есть Лев Лурье, который сегодня стал самым знаменитым историком Петербурга. Во всех поисковиках на первых местах он будет упоминаться как крупнейший специалист, потому что продвигающая его фирма грамотно работает с поисковиками.

И еще одну мысль я хотел бы высказать. Вообще мировая культура резко меняется под воздействием СМИ, рекламы и процессов, которые там протекают. Я как-то обратил внимание на один совершенно удивительный факт: в 1930-е и даже в 1970-е годы мировая повестка интеллектуальной жизни определялась реальными интеллектуалами. Людей интересовало, например, что думает и говорит Сартр о тех или иных явлениях мира, какие идеи и концепции выделяет. Мнение крупных писателей представляло огромный общественный интерес. Сейчас какие там интеллектуалы? Какие там писатели? По главным каналам нашего телевидения показывают одних и тех же записных крикунов, которым власть разрешила выступать, и они соревнуются, кто кого перекричит. И оказывается, что если крикун кричит намного громче интеллектуала, то до аудитории это и доносится. СМИ и их технологи стали сами определять, скажем так, интеллектуальный уровень жизни. А власть умело манипулирует всем этим. Все это крайне удручающе сказывается на общем состоянии мировой культуры и, конечно, на том, что происходит у нас в стране.

Средства массовых коммуникаций превратились в очень мощные инструменты, формирующие в головах людей смыслы, которые используются в рекламных и политических целях. И все последствия этого мы до конца не осознаем. А происходит радикальная трансформация культуры, общество становится массовым в самом худшем понимании этого слова. Когда интеллектуальный градус общественной жизни резко понижается, потребительская культура становится доминирующей, и все это чревато большими неприятностями. Поэтому мы придаем огромное значение работе этой секции. И я хотел бы поблагодарить всех участников и пожелать успеха.

М. С. ГУСМАН: — Александр Сергеевич, Вы своим выступлением задали такой тон и градус, что только на основе этого можно развернуть острую дискуссию. Далее заседание будет вести блестящий журналист и профессионал своего дела Виталий Товиевич Третьяков.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Прежде чем начать вести нашу встречу, я выскажу кое-какие свои идеи. Тема эта поднимается не первый раз, и всегда разговор идет примерно об одном и том же. В моем учебнике по журналистике написано: «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о свободе и печати». Честно говоря, немного наскучило в разных странах мира, в разных аудиториях говорить об этом. Самое главное, что все аргументы «за» и «против» известны, исход дискуссии известен — кто будет против кого, но все остается без изменений в реальной медийной сфере.

Согласен со многим, что сказал Александр Сергеевич Запесоцкий. Его выступление, казалось бы, излишне пафосное, публицистическое, реально описывает ситуацию. Я бы отметил только, какие тенденции особенно усилились за последние годы. В 1990-е годы в нашей стране масса непрофессионалов пришла в СМИ. Казалось бы, сейчас это должно закончиться, тем более что журфаки по всей стране работают как по производству бройлеров и выпускают специалистов в гигантских количествах. Правда, если посмотреть, что написано в дипломах, то можно увидеть: «пиар, пиар, пиар». Я давно выступаю против такого сочетания. При всей важности института благородных девиц и публичного дома для реальной жизни все-таки не нужно соединять в одном месте оба заведения.

Для меня так называемый паблик рилейшнз — это разращение журналистики. Но тем не менее производство таких специалистов продолжается. И поскольку качество образования в нашей стране падает (в том числе из-за губительных реформ), то с дипломами все равно выходят непрофессионалы. И они приходят так или иначе в средства массовой информации, в каком бы виде те ни существовали.

Первая тенденция: среднее качество журналистики продолжает падать. Этот процесс не остановлен. Но что здесь интересно: профессионалов все равно много. И когда-то профессионалы жаловались на то, что приходят непрофессионалы. Сейчас такие жалобы я слышу все реже. Почему? Потому что настоящим профессионалам в среде непрофессионалов удобнее делать свои дела, в том числе те тайные, о которых говорил Запесоцкий. Имеется в виду и пропаганда в чистом виде, и злонамеренная, черная пропаганда, и не только это.

Вторая нарастающая тенденция, о которой Александр Сергеевич тоже упомянул, — это развлекательность, начинающая доминировать над всем остальным. Взять, к примеру, просто заголовки даже самых серьезных газет или тех, что претендуют на серьезность. Наши средства массовой информации — это сплошные фокусы, каламбуры, аттракционы, гэгги. Это все что угодно, только не то, что должно быть. Когда ты читаешь заголовок и понимаешь, о чем будет статья, то в идеале ниже заголовка ты даже не должен читать, особенно если знаешь, кто автор. Развлекательные журналы, телепередачи просто поглощают все остальное. И я вынужден своим студентам на факультете телевидения откровенно говорить: «Перед вами два пути. Либо вы будете самыми умными, и тогда у вас есть шанс в конкуренции обогнать всех осталь-

ных, но это очень трудный путь, к тому же это очень узкая дорожка, потому что умные современному телевидению не нужны. Либо вы будете самыми глупыми, самыми большими шутниками, клоунами, и тогда у вас отличные шансы вести эфир какой-нибудь программы, вплоть до самой серьезной». И, увы, я вынужден сказать, что рекомендую им идти по второму пути. Он легче и к успеху ближе, особенно если есть талант типа того, что у вашего земляка, известного выходца из Петербурга Ивана Урганта. В общем-то, умный человек, а вынужден прикидываться клоуном для того, чтобы поддерживать свой телевизионный имидж, рейтинг и все остальное. Это касается в первую очередь телевидения, но определенно не только его.

Третья тенденция, о которой можно сказать как о действительно огромной проблеме, — то, что виртуальное вытесняет реальное из массового сознания. Мы это видим на примере Украины. Можно бесконечно спорить о ситуации на Украине. Если допустить, что лгут российские СМИ, значит, у нас виртуальное вытесняет реальное. Если допустить, что лгут западные СМИ, что в данном случае, конечно, ближе к истине, — тогда наоборот. Но то, что этот процесс происходит, — безусловно. Я окончательно разочаровался в западных средствах массовой информации. Я давно слежу за их деятельностью и не был особенно влюблен в них, но все-таки мне казалось, что люди, говорящие о свободе печати, в частности об объективности, непредвзятости, неподкупности журналистики, средств массовой информации; люди, написавшие так много учебников на соответствующие темы, да и сама среда должны способствовать тому, чтобы журналистика была максимально объективна. Этого нет. Абсолютно табуированы некоторые темы, плюс цензура, иногда даже закреплённая документально, хотя не в виде законов, но все равно она действует.

В заключение хочу сказать, что институт СМИ в журналистике очень важен. Без него просто невозможно существовать сегодняшнему обществу. Мы так и должны к этому относиться, и наши средства массовой информации при всех недостатках, в том числе тех, о которых я говорил и о которых еще можно сказать, ничем в худшую сторону не отличаются от западных. Что-то лучше здесь, что-то лучше там, но в целом отличий нет. Поэтому я особенно обращаюсь к молодым. К сожалению, западные СМИ до сих пор считают себя лучше других и пытаются приучить нас к этой мысли. Вы никогда не должны испытывать чувства униженности при встрече с западным журналистом в дискуссии, на улице, в командировке, где угодно. Что бы кто ни говорил, наша журналистика, помимо того, что она велика исторически, ничуть не хуже, чем любая другая, в том числе и западная. Поэтому с чувством собственного достоинства и осознанием проблем профессии, на мой взгляд, молодым нужно вступать в свою профессиональную жизнь.

Совершенно логично после моих финальных слов дать возможность согласиться или не согласиться со мной в пункте сравнения западной и российской журналистики и медиа нашему гостю из США Томасу Кенту.

Т. КЕНТ: — Сначала я несколько слов скажу об Интернете вообще, а потом мы можем более подробно обсудить украинский вопрос. Я думаю, что Интернет останется с нами в будущем, невозможно этого джинна загнать обратно в бутылку. И я этому очень рад. Я думаю, что Интернет — это отличный элемент нашей современной жизни, который принес огромную пользу науке, технике, развивающимся странам, служит для коммуникации между людьми разных стран. Я считаю, что это подлинно демократический инструмент, который уже сделал большой вклад в социальный и экономический прогресс. Конечно, в Интернете можно найти ужасные вещи — расизм, сексизм, заявления террористических групп и т. п. Но в основном, я думаю, мы должны быть довольны, что у нас есть Интернет. Это не враг.

По моему мнению, самое главное, что касается журналистики в Интернете, — это профессиональное поведение журналистов. Я думаю, что лучший противовес нечестным элементам в Интернете — это качественная, серьезная, этическая журналистика. Нужно, чтобы журналисты следовали правилам кодекса этики. Можно быть объективным журналистом, можно быть журналистом точки зрения — оба вида журналистики приемлемы и имеют право на существование. Есть журналисты честные, которые откровенно заявляют о своих убеждениях и взглядах в своих журналистских работах. Конечно, читатель должен чувствовать ответственность. Он должен читать статьи в Интернете вдумчиво, обращая особое внимание на источники информации. Часто бывает, думаю, и у вас тоже, что вы видите что-то интересное в Интернете и отправляете это всем друзьям. А через час не можете вспомнить источник. Неважно, была ли это американская газета или российская, но было интересно, я передал и даже не обратил внимания. Это нехорошо. Признаюсь, я и сам так делаю. Но все-таки нам всем нужно обращать больше внимания на источники информации, которые мы читаем и передаем.

На пленарном заседании очень много было сказано о том, что якобы в мире идет информационная война, которую ведут Запад и Восток, что происходит милитаризация СМИ. С нашей точки зрения — я говорю сейчас от имени нашего скромного информационного агентства, я не могу говорить от имени всей американской или мировой печати, — действительно, положение дел сильно изменилось в течение последних лет. Мы стараемся работать в соответствии с объективным видением журналистики. Мы стараемся сообщать о фактах так, как мы их видим, например, рассказывая о событиях на Украине, мы ссылались прежде всего на наших собственных корреспондентов. Находясь на месте событий, они сообщали о том, что видели, еще мы цитировали, конечно, заявления российской и украинской сторон и т. д. Но самое главное для нас то, что наши корреспонденты видят на месте и что мы слышим. И мы не чувствуем себя солдатами одной или другой страны. Конечно, вы скажете, что если штаб-квартира «Ассошиэйтед Пресс» находится в Нью-Йорке, то мы обязательно должны быть в кармане американских властей. Безусловно, любая пресса

отражает в какой-то степени традиции, интересы своей страны, хотя надо сказать, что три четверти корреспондентов «Ассошиэйтед Пресс» за рубежом не являются американскими гражданами. Они являются гражданами очень многих стран, но это не мешает им работать сообща.

Наши подписчики — это газеты, сайты, радиостанции, телеканалы многих стран, у которых есть огромный диапазон политических убеждений, поэтому нам нужно быть объективными, чтобы хорошо служить всем подписчикам. Вы знаете, у нас есть наши объективные традиции, и когда люди, которым не нравятся наши сообщения, говорят, что мы — рабы какого-то правительства, это очень неприятно, потому что мы профессионалы и не являемся представителями ни одного правительства. Правительство нам не платит. Мы честные люди, по крайней мере стараемся быть таковыми. И очень хорошо, что в мире много источников информации, телеграфных информационных агентств. Нам бы не хотелось, чтобы мы были единственным информационным агентством в мире. И пусть будет большой диапазон голосов. Мы делаем, по нашему мнению, честную работу и гордимся этим. Тем не менее у читателей есть большой выбор, если они предпочитают обращать внимание на другие источники информации.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — «Ассошиэйтед Пресс» в своих сообщениях называет события на Украине, в частности на центральной площади Киева в феврале 2014 года, или государственным переворотом, или демократической революцией. Скажите, пожалуйста, какое из этих определений используете лично Вы?

Т. КЕНТ: — Вы знаете, «Ассошиэйтед Пресс» не является дипломатической организацией. Мы не тратим много времени на выбор слов. Наверное, иногда мы писали «переворот», иногда — «революция», не исключено. Просто мы сообщаем о том, что видим. Нет у нас собраний, чтобы обсуждать, какие термины мы будем использовать в работе с текстом.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Я не совсем понимаю такой ответ. Потому что все-таки, если есть президент США, каким бы профессионалом вы ни были, вы его либо называете президентом США, либо не говорите о нем вообще. То же самое можно применить и к господину Порошенко, которого одни считают законно избранным президентом Украины, а другие все-таки в этом сомневаются и не называют его в таком качестве.

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ: — Томас, Вы опытный журналист и знаете, что незыблемыми ценностями журналистики являются достоверность, честность, объективность информации. Но это сейчас подвергается сомнению, считается, что журналистика должна преподносить только факты. Честные, нормальные факты. Но даже в науке давно уже признано, что голых и чистых фактов не существует. Любой эмпирический факт теоретически нагружен. Мне думается, что любой факт все равно будет преподноситься в рамках какой-

то тенденции. Любой факт всегда вписывается в какой-то контекст. Как тогда быть с честностью и объективностью?

Т. КЕНТ: — Сначала хочу сказать по поводу Порошенко. Мы пишем «президент», потому что он исполняет обязанности президента, сидит в президентском кресле. И мы в своих материалах стараемся отражать положение дел на Земле. Например, мы пишем «Израиль», а есть люди, которые считают, что Израиль — это незаконное государство, что надо писать «оккупированная Палестина». Но все-таки Израиль — это страна, мы так и пишем — «Израиль», и мы пишем «президент Порошенко». Вы правы, конечно. В своих работах, например, Ролан Барт и другие философы говорят, что каждое слово имеет большое значение. Иммануил Кант говорил, что невозможно о чем-то думать, не оценивая этого. Но мы живем в реальном мире. Слова — это единственный инструмент, который мы имеем. И я не думаю, что мы можем жить отдельно от контекста слов, которые используем. Но это не значит, что мы должны не писать. Мы стараемся, делаем то, что можем делать. И вам, читателям, повезло: вы можете выбрать между разными источниками информации. Советую вам делать это сравнение каждый день и не ссылаться только на один источник. Вы интеллигентные люди, сами сделаете свои заключения. Иногда наша статья будет лучше, иногда другие источники будут лучше нас. Мы вам предлагаем один из вариантов событий в мире.

Л. В. МАТВЕЕВА: — Господин Кент, назовите, пожалуйста, три главных критерия, по которым Вы отбираете профессионалов для работы в своей организации. На какие качества Вы ориентируетесь?

Т. КЕНТ: — Прежде всего это, конечно, профессиональная компетенция. Первый критерий — это знание языков. Мы хотим, чтобы люди умели работать больше, чем на одной платформе. Второй — умение работать с текстом, фото, видео, в общем, немного разбираться в разных сферах, даже если не эксперты. И третий, самый главный критерий: мы хотим работать с людьми, которые будут смотреть на события в мире с разных точек зрения. Если бы мы, к примеру, спросили у человека, что он думает о положении дел на Украине, и он смог выразить только западное понимание, то мы бы такого не взяли. Нам нужны люди, которые могут смотреть на ситуацию там и с российской, и с американской точки зрения, и, кстати, с украинской тоже. Нужна широта понимания разных мнений о событиях в мире. Нет смысла слушать только одну точку зрения.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Я не понял, Томас: то, что Вы сказали, означает ли, что, допустим, «Ассошиэйтед Пресс» имеет на Украине в городе Киеве двух корреспондентов? Один представляет украинизм, украинство, а второй — взгляды русских жителей города Киева, которых там половина, и они придерживаются пророссийских взглядов, выступают против того, что-

бы все говорили только по-украински. Вам нужны два корреспондента, чтобы иметь две точки зрения, или один, рассматривающий ситуацию с разных сторон?

Т. КЕНТ: — Конечно, лучше работать с корреспондентами, которые разбираются в обеих сторонах, чем слушать дебаты между ними.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Слово предоставляется независимому журналисту из Великобритании Юрию Голигорскому, который долгое время работал во Всемирной службе Би-би-си.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Как правильно сказали, я журналист, бумагомарака, щелкопер. Мне все равно, что подумает мое начальство о том, что я пишу. Я пишу и говорю о том, что вижу. Когда я был редактором, то всегда говорил своим коллегам: “Take the story forward” — «Продвинь историю сегодняшнего дня на завтра». Потому что вчерашняя история никого не интересует. В этом и заключается основная задача журналиста.

На пленарном заседании мы заслушали интересные выступления. Академики Валерий Александрович Черешнев и Андрей Геннадьевич Лисицын-Светланов цитировали Льва Николаевича Толстого. Это не только русский писатель, он мировой писатель. Недаром 1 января этого года центральная радиостанция Великобритании Би-би-си расчистила свою сетку вещания для того, чтобы в течение десяти часов передавать радиопостановку «Война и мир». Читали актеры. В Великобритании обожают Толстого, Чехова. Но, может быть, на Западе не всегда до конца понимают тонкости того, что писал великий граф. Если вы помните, в «Анне Карениной» любовник Анны Вронский уезжает на войну, чтобы защищать Сербию. Вот эта огромная связь между Россией и Сербией, очевидно, не до конца была осознана на Западе. В результате в Сербии получилось то, что получилось. Ниточка протянулась к Абхазии, Грузии, Южной Осетии. От Южной Осетии дотянулась ниточка до Украины. И сейчас мы имеем то, что имеем.

В этом году 9 мая Россия отметила 70-ю годовщину Победы в Великой Отечественной войне. 8 мая в Великобритании, так же как во многих западных столицах, отметили День победы во Второй мировой войне. Две разные войны. Они абсолютно по-разному воспринимаются в мире и в России. Для западного мира Вторая мировая война началась не 22 июня 1941 года, а гораздо раньше. И Великобритания вступила во Вторую мировую войну в тот момент, когда нападению подверглась Польша. Поэтому то, что происходит сейчас на Украине, — это незаживающая рана не только для России, но и для Запада тоже. У Запада тоже есть свое понимание того, что там происходит. Вчера мой уважаемый коллега Виталий Товиевич Третьяков спросил, какие интересы могут быть у Канады в Европе. Начнем с того, что, во-первых, в Канаде большая украинская община и, во-вторых, Квебек. Эти два фактора достаточны для того, чтобы Канада имела интересы в Европе.

Мы говорим о том, что сейчас многие обвиняют Запад в том, что он просто пришел на Украину, как слон в посудную лавку, и все там нарушил. Но это несколько не так. Дело в том, что вы задали очень интересный вопрос: как мы называем произошедшее на Майдане. Естественно, мы это не называем государственным переворотом, но мы называем это событиями в Киеве. Я процитирую вам без оценочной характеристики. Сегодняшние события: в Одессе арестованы журналисты журнала «Таймер». Это я узнал по сообщению «Первого канала». И вот ведущий говорит: «Журналисты “Таймера” передавали информацию о реальном положении дел на Донбассе, поэтому они были арестованы». Какое здесь лишнее слово? «Реальном». Оно несет в себе оценочную характеристику. Это сегодняшнее сообщение, которое пугает нас. Здесь явная игра словами и оценочными характеристиками со стороны диктора. А журналист Би-би-си или какого-нибудь западного издания под страхом смерти не скажет о «реальном положении дел в Донбассе». Он скажет «события в Донбассе», потому что «реальном» — это уже оценочная характеристика. Переворот — это тоже оценочная характеристика. А Порошенко — президент, и от этого невозможно отрешиться. Законность его избрания может дискутироваться аналитиками и комментаторами, но не журналистами.

И вы правильно поставили вопрос о фактах, но вчера Генри Маркович Резник сказал замечательную фразу: «Может быть свобода мнения, но не может быть свободы факта». Факт один, но его можно по-разному оценивать, обсуждать. Это однозначно. Факт, что Порошенко избран. Дальше уже идет аналитика того, как он был избран, и высказываются различные мнения. Произошло то, что произошло. Был факт, о котором можно сказать, что было бегство, а можно сказать, что было выдворение Януковича. Но это могут сказать только политики, аналитики, комментаторы. Этого не может делать журналист. Мы только сообщаем то, что видим. Мы не даем оценочных характеристик. В заключение я повторю то, что говорил на лекции студентам этого университета. Когда Александр Сергеевич пригласил меня выступить перед журналистами, он сказал: «Расскажите ребятам, как все воспринимается на Западе». Я сказал: «Мы с ужасом смотрим на то, как журналистика в России стала рупором пропаганды, потому что у нас, журналистов, в руках если не атомная бомба, то по крайней мере скальпель. И мы должны очень осторожно обращаться и оперировать этим оружием».

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — В России вообще журналистика более беллетризирована по сравнению с западной, например с англосаксонской. У меня, конечно, есть мнение относительно того, что российская журналистика стала рупором пропаганды. Как минимум это утверждать несерьезно, если не назвать таким же рупором по отношению к Украине современную западную журналистику. Вы упомянули о Квебеке, и у меня к Вам вопрос. Если бы английское большинство населения Канады заявило, что французское меньшинство — это неполноценные граждане, говорят на чужом языке, которые должны прыгать по утрам, вечерам

и в середине дня, чтобы доказать, что они не французы, а настоящие англосаксы, канадцы, учиться исключительно на английском языке, и надо постепенно всю систему образования перевести на него, что ответили бы свободные французские граждане Канады? Не какие-то замшелые русские, азиаты с востока Украины, а натуральные французы.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — «Да здравствует свободный Квебек!».

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Да. Если бы они сказали: «Нет, мы не хотим так», и к ним пришел бы премьер-министр и сказал: «Ах, не хотите. Тогда мы начинаем все это вводить насильственно». И англоязычные канадцы начали бы антитеррористическую операцию, а французы восстали бы. Как повела бы себя Французская Республика? Не Москва, а Французская Республика, Олланд ли там президент или де Голль — неважно.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Виталий Товиевич, мы просто говорим о разных вещах. Вы меня спросили, какие интересы могут быть у Канады в Европе. И я ответил. Это не значит, что я могу обсуждать предметно, как бы Франция отнеслась. Но я приведу другой пример, который знаю очень хорошо. Относительно недавно Великобритания чуть не распалась. Вы знаете это. Шотландцы сказали: «Мы хотим жить отдельно». Им была предоставлена возможность провести референдум. И, честно говоря, вопрос до сих пор не решен, потому что сейчас Шотландская националистическая партия получила громадное количество мест — 56 мест на выборах в парламент, которые прошли на прошлой неделе. И вполне возможно, очень скоро встанет вопрос о новом референдуме, очевидно, о выходе Шотландии из Соединенного Королевства. Но это не значит, что тогда Лондон пошлет танки на Глазго и Эдинбург, как это произошло, например, между Москвой и Грозным. Даю вам голову на отсечение, что Лондон танки не пошлет. Знаете почему? А нет танков. Всю британскую армию, вооруженные силы можно разместить на территории стадиона Уэмбли и еще останутся свободные места.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Это отдельная перспектива. Ну, все-таки, Юрий, неужели Вы даже не можете предположить, как бы себя повела Франция в описанной мной ситуации?

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Наверное, был бы взрыв негодования. Люди бы призывали Олланда предпринять страшные меры, например закрыть банковские счета. Но ни о каких военных действиях даже и мысли не может быть.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Ну войны, надеюсь, не будет. Но французская пресса не писала бы просто «события в Квебеке»?

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Нет, я уверен, что она писала бы ужасные вещи о том, что происходит.

А. С. МУСАТОВА: — Юрий Самуилович, я хотела бы спросить по поводу пропаганды. То, что сейчас происходит, — объективная реальность, и спорить с этим нельзя, хорошо это или плохо — другой вопрос. Но не кажется ли Вам, что российская пропаганда — это скорее ответ на западную? То есть это вынужденные меры.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Контрпропаганда. Тогда предметно можете ли Вы привести примеры западной пропаганды в отношении Украины? Просто где и когда Вы видели это?

А. С. МУСАТОВА: — Это описание западными СМИ позиции России как страны-агрессора, разговоры о российской агрессии. Это также описание тех, кто против новой власти, как террористов, сепаратистов. Хотя на самом деле они таковыми не являются.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Понятно. Понимаете, у нас в журналистике всегда есть такое понятие, как ссылка на источник. Если западный журналист называет Россию агрессором, а это очень часто бывает, то всегда ссылается на того, кто так сказал. Например, недавно был опубликован так называемый доклад Немцова, покойного политика, где было сказано, что на территории Украины в ходе военных действий погибло более двухсот военнослужащих. Если Запад или западный журналист сообщает об этом, он не назовет Россию агрессором, если не сошлется на то, что было опубликовано в каком-то источнике, каким-то средством массовой информации или каким-то докладом. Это не его мнение. Следующий пример. Недавно Меркель, находясь в России, назвала аннексию Крыма преступной. На немецком языке прозвучало как «преступная аннексия». На английском — «криминал аннексэйшн». На русском слово «криминал» или «преступная» было опущено. Это я называю пропагандой.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Я могу только сказать Вам, Юрий, что мы с Вами, видимо, читаем разные западные газеты. Потому что каждый раз там говорили: «Это Меркель сказала, это покойный Борис Ефимович Немцов сказал, и поэтому я использую это слово».

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Журналисты и комментаторы — это разные люди. Факт незыблем. В комментариях можно сказать все что угодно.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Факты священны, а комментарии свободны. Это мы знаем со студенческой журналистской скамьи. Я просто не понимаю, о какой западной журналистике Вы рассказываете.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Я говорю о том, что мы путаем репортаж с комментарием.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Но это все журналистика.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Не согласен. У нас есть журналистка Мэри Дежевски и есть хозяйин газе-

ты «Индепендент» Александр Лебедев, которого трудно заподозрить в симпатиях к Владимиру Владимировичу Путину. Как-то, выступая по телевидению, он сказал: «Попробовал бы я прийти к Мэри Дежевски и сказать, чтобы она написала что-то против Путина. Она бы меня сгрызла». Журналистка очень симпатизирует Путину и постоянно пишет об этом на страницах газеты, которая принадлежит российскому олигарху Лебеву. Все. Это ее личное мнение.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Нет, Юрий, в мире все больше людей симпатизируют Путину, в том числе в Великобритании.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — И это отражено в средствах массовой информации.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Правильно, причем здесь журналистика?

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Мэри также пишет, что британское правительство абсолютно неверно ведет себя в украинских событиях. Это ее мнение.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Понятна Ваша позиция. Все-таки мы какие-то разные источники читаем. Относительно слов Меркель. Не знаю, обратила ли аудитория внимание на этот казус, когда действительно при переводе на некоторых наших федеральных каналах определение «преступная аннексия Крыма» из текста Меркель выпало. Если кто-то не видел, расскажу: когда Меркель 10 мая была в Москве, состоялась совместная пресс-конференция ее и Путина. И там в присутствии нашего президента, выступая с трибуны, она это заявила. Мое мнение, что в данном случае не Путина пожалело телевизионное начальство России, во всяком случае те, кто принял решение вырезать это слово. Я даже не могу себе представить, какое было бы возмущение, особенно в этот день, если бы во всероссийском эфире по всем телеканалам прошло, как Меркель Путину говорит по поводу Крыма «Ты — преступник». Истинное лицо Ангелы Меркель российское телевидение улучшило, припудрило, а я бы показал без прикрас.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Я согласен. Какой-то журналист взял на себя смелость.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Это не журналист, это делают телевизионные начальники, которые не вполне журналисты, как Вы понимаете.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Значит, начальство контролирует то, что делает журналист.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — А на Западе начальство ничего не делает? Только деньги получает?

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Оно делает только постфактум. Оно может прийти и сказать: «Что ты выдал в эфир?».

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — То же самое делает и российское начальство. Спрашивает: «Что ты выдал в эфир?». После этого журналист знает, что в следующий раз выдавать в эфир, а что нет. Та же самая методика на Западе: сначала ему делают замечание, если он не понимает — делают второе замечание; если опять не понимает — его выгоняют или не дают эфир. И принимают того, кто понимает. Неужели Вы хотите меня, взрослого человека, убедить, что там методы работы какие-то иные?

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Я просто хочу сказать, что журналист иногда имеет право высказать свое мнение. И это журналист, если он настоящий профессионал, меняет начальство, а не начальство меняет журналиста. Это он уходит в другое средство массовой информации, которое ему более подходит.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Юрий, Вы все правильно говорите, как по учебнику. Только жизнь идет не по учебнику. Я давно работаю в журналистике, бывал в том числе и на Би-би-си. Вы это знаете. И, видимо, даже будучи в одном месте, мы были в каких-то разных Би-би-си. Это бывает. Параллельная реальность. Как известно, если спорят люди из старой Европы и не могут найти общего мнения, лучше спросить мудрого китайца, но за отсутствием китайца в данной аудитории спросим американца. И поэтому я предоставляю слово господину Вэбстеру Тарпли.

В. ТАРПЛИ: — Благодарю организаторов конференции за возможность выступить здесь. Я представляю другую точку зрения на средства массовой информации, потому что принадлежу к политической оппозиции в Соединенных Штатах. Мы весьма критически относимся к внешней политике президента Обамы и очень озабочены в целом ситуацией с американскими СМИ, потому что они как-то драматизируют ситуацию. Если мы говорим об американских СМИ, то им необходимо задуматься о таких вещах, как цензура и самоцензура. У нас есть достаточно фактов, свидетельствующих о том, что американские органы власти — госдепартамент, ЦРУ — вмешивались в деятельность СМИ. Мистер Кент упомянул информационную войну, и точно так же об информационной войне говорил Обама.

Когда я 25 лет назад стал писать исследование о Джордже Буше-старшем, то столкнулся с тем, что вокруг него было очень много всяких скандалов, которые почему-то не стали потом достоянием СМИ. Выяснилась такая вещь, что отец Джорджа Буша-старшего, оказывается, занимался финансированием нацистов, которые пришли к власти в Германии. Почему-то средства информации не нашли этих шокирующих фактов, о которых американским избирателям, наверное, было бы интересно узнать.

Вторая моя работа называется «Обама и заговор постмодернизма». Эта книга была написана в 2008 году. Она доказывает, что именно президент США стал организатором «цветных революций» и переворотов. За последние годы мы столкнулись с этим цунами «цветных революций», часть из которых состоялась,

а какие-то из них не получились. Попытка такой революции предпринималась даже в вашей стране. И еще я пришел к выводу, что правительство Обамы принципиально построило свою деятельность так, чтобы стать враждебным России. Получается, что американцы просто перевели фокус враждебности с Ирана на Россию.

Я только что побывал в Донецке и на собственном опыте убедился, кто срывает перемирие. Я собственными глазами видел, как киевские власти нарушают режим прекращения огня. Группа журналистов посетила один из районов Донецкой области, и киевские силовые структуры не могли не видеть этих журналистов, но тем не менее начали обстрел. Журналистам пришлось прятаться в подвале здания. Я знаю много примеров, когда то, что реально происходит в Донецке, фальсифицируется западными источниками. Есть еще один момент, который бы я хотел обсудить с уважаемыми специалистами, — это внутренняя экономическая политика Донецкой области, которая связана с Борисом Литвиновым, одним из организаторов движения за самоопределение Донбасса.

На пленарном заседании очень много говорилось о том, что такое глобализация и какие негативные последствия она несет. Глобализация — это плохо. А люди в Донецке показывают пример, как можно найти выход из этих отрицательных последствий. Оказалось, что у Донецка есть свобода от давления МВФ и прочих организаций. И под руководством Литвинова люди там национализировали все банки. В том числе тот, который принадлежит олигарху Коломойскому. Теперь эти банки используются, чтобы платить пенсии, что отказался делать Киев. Угольная и электрическая промышленность практически национализирована, создан государственный сектор. Это пример смешанной экономики и социального государства. Они открыли супермаркеты, которые принадлежат правительству, то есть государственные супермаркеты. Они создали сельскохозяйственные кооперативы, то есть возвращается понятие колхоза.

В атмосфере всеобщего отрицания Литвинов призывает к увеличению количества населения. Он предлагает семьям подумать о том, чтобы иметь троих детей. Литвинов говорит: «Мы против олигархии, мы против неолиберализма» и, конечно, отрицает мысль о враждебном образе России. Вот такая интересная ситуация возникла именно тогда, когда все ищут средства для финансовых реформ. Одна ситуация сложилась в Греции, вторая — в Донецке. И я еще раз призываю своих уважаемых коллег прокомментировать ситуацию, показать свое видение того, что происходит в самом Донецке в противовес всемирной глобализации.

Сейчас я хочу обратить ваше внимание на растущее влияние в Соединенных Штатах определенных кругов, которые готовы отойти от своих позиций и вернуть России влияние в Европе. Соединенные Штаты претендовали на то, что все Западное полушарие будет их сферой влияния. Британцы все время стремились контролировать Бельгию. В свете этого будет справедливым сказать, что НАТО не должно расширяться в сторону России. Финляндия, Швеция, Австрия весьма

процветают в своем статусе нейтральных стран, то же могло произойти и с Украиной.

Несмотря на все вышесказанное, можно сказать наверняка, что американский народ устал от войны в любом ее проявлении. И идея все-таки дружить и сотрудничать с Россией по сердцу большому количеству американцев. Мы возобновили деятельность комитета по согласию между Востоком и Западом и, конечно, критикуем вмешательство американских властей в дела Украины, включая намерение поставить ей современные виды оружия. Происходит смена отношений.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Как видим, и в Америке, и в России, есть люди с разными мнениями, что радует нас, русских. Мы рады возможности американцев высказываться свободно. Я думаю, что если бы здесь собрались многочисленные академики-экономисты, они бы, конечно, легко доказали, что такая независимая экономика долго не сможет просуществовать.

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ: — Господин Тарпли, в средствах массовой информации рассказывается о предстоящих выборах в Соединенных Штатах Америки. В частности, мне кажется, что вообще на Западе как-то снисходительно относятся к Хиллари Клинтон как к кандидату. А каково отношение к ней в США?

В. ТАРПЛИ: — Самый простой ответ: реальным победителем на этих выборах станет Уолл-стрит, если только не будут проведены серьезные реформы. Миссис Клинтон стремится стать президентом, но у нее есть определенные трудности в Демократической партии. Мы только что стали свидетелями скандала о связях фонда Клинтон с крупными фондами на Ближнем Востоке. Этот скандал показывает, насколько Клинтон близка к структурам Уолл-стрит. Это абсолютно неприемлемо для левого крыла Демократической партии. Элизабет Уоррен и сенатор Сэндерс очень резко критикуют Клинтон, и она уязвима, потому что еще даже не стала кандидатом. Другая ее проблема — это отношение к миру и войне. Она очень агрессивно себя ведет. Это тоже неприемлемо для населения, которое устало от войны. И совершенно незначительные изменения могут вызывать очень большие негативные последствия для нее. С другой стороны, среди республиканцев можно отметить Джеба Буша, брата Джорджа Буша-младшего. Он представляет картель денег, разведки, которая становится новой силой, можно сказать, партией. И эта партия хочет заставить Уолл-стрит платить справедливые налоги и национализировать американский федеральный резерв. Я поддерживаю эту партию.

А. С. МУСАТОВА: — Вы сказали, что в США растет число групп, которые готовы идти на уступки и вернуть некоторые сферы влияния России. Как Вы считаете, на каких условиях они могут пойти на эти уступки и насколько это вообще вероятно? Ведь вложено столько финансовых средств со стороны Америки, чтобы создать определенный образ России.

В. ТАРПЛИ: — Я бы сказал, что это очень полемика ситуация. Автором этой тенденции можно назвать профессора Стивена Коэна. Это именно он призвал к созданию комитета по согласию между Востоком и Западом. И он столкнулся с резкой критикой в свой адрес вплоть до того, что его называли марионеткой Путина. Коэн также отметил, что, к сожалению, в Америке позиция тех, кто стремится найти выход из ситуации дипломатически, мирно, пока очень слабая. Но есть все-таки хороший знак в том, что президент Обама говорил о поставках новых видов оружия на Украину, но этого не сделал. Да, конечно, Обама — непростой человек, но есть люди более сложные. Например, Республиканская партия просто впадает в ярость, когда речь заходит о ситуации на Украине. И ее представители говорят о возможности войны как о какой-то шутке. Ситуация тяжелая, но не безнадежная.

Н. А. ДОНСКОВ: — Господин Тарпли, я хочу все-таки вернуться в русло нашей дискуссии, то есть к свободе средств массовой информации. Были ли какие-то проблемы у Вас с изданием книги? И кто ее читатели?

В. ТАРПЛИ: — В основном американское неомаккартианское общество. Тот самый пресловутый сенатор Маккарти. Тогда, конечно, были проблемы, связанные с пресечением деятельности Коммунистической партии, но после теракта 11 сентября произошло возрождение маккартизма. Но вы должны понять, как это работает. В Соединенных Штатах вас не арестуют за антигосударственную деятельность, но ФБР придет на предприятие, где вы работаете, поговорит с вашим боссом, и вы потеряете работу. Это тактика устрашения и подавления реальных демократических мыслей. В американской оппозиции нет богатых людей, если вы в оппозиции, то не станете богатым.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Слово предоставляется Григорию Михайловичу Бирженюку.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Журналистика и СМИ имеют множество измерений. Собственно профессиональное всегда доминирует. Но есть и социологическое (это чувствуется по вопросам). Есть и психологическое измерение (у нас присутствуют представители высокого уровня именно этого направления). Есть и культурологическое, и философское измерение. Я буду говорить как представитель культурологической науки, хотя в чистом виде это трудно будет сделать.

Первый вопрос: какого рода журналистику мы обсуждаем? Александр Сергеевич говорил о журналистике, так сказать, широко. Но журналистика — разная. Выражаясь словами представителей Московского методологического движения, нужно самоопределиться, то есть решить, какую журналистику мы обсуждаем.

У меня была студентка, которая потом перешла в другой вуз. Вдруг я обнаруживаю в одной известной газете, имеющей чуть ли не миллионный тираж, заметку, где она пишет: «Третий день не убирают снег у дома номер пять по Среднему проспекту». Через несколько дней она же пишет: «Девятый день не убира-

ют снег у дома номер пять». Мне кажется, эта журналистика предметом обсуждения вряд ли может стать, с ней все в порядке.

Но если факт уборки снега прокомментировать (например, поставить вопрос с целесообразности смены власти в городе), то эта журналистика имеет шанс попасть в центр нашего дискурса.

Вообще можно использовать разные «зонтичные» термины типа «события», но в итоге может получиться, что вместе с ними испарится какая бы то ни было информация, которая интересует аудиторию. Сейчас, когда факты стали весьма доступны благодаря Интернету, журналистика факта, хочет она того или нет, все больше становится журналистикой мнения. И тут оказывается, что факт во всем этом играет далеко не первостепенную роль.

С одной стороны, есть факт. Но есть еще такое понятие, как правда. Вот вопрос: факт — это правда или что-то другое? Факт — это вся правда или только ее часть? Сегодня оказалось, что правда настолько многообразна, что начисто снимает необходимость лгать. Иными словами, правд много, а истина одна, но истина нам не дана.

Что в итоге происходит? Новостная лента передает факт. А дальше газета начинает этот факт интерпретировать в соответствии с определенными запросами аудитории, задачами власти и т. д. Классический пример. Газета пишет, что в Белоруссии уборщицу сельского дома культуры покусал бобер. К этому факту, вроде, ничего не добавит. Дальше экологи пишут, что у батьки Лукашенко уже бобрам есть нечего, Белоруссия на грани голода. Наши газета в колонке «культура» пишет: «О! В Белоруссии есть еще сельские дома культуры в то время как у нас большинство из них закрылось и здания проданы». А газеты в наших бывших восточных республиках напишут: «Кажется, в Белоруссии появилась вакансия уборщицы сельского дома культуры».

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — А западные СМИ пишут, что там издеваются над бобрами?

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Да, а газета «Завтра» напишет, что когда были коммунисты, бобры не кусались, Дома культуры работали, их уборщицы были всесторонне защищены. И пора все это вернуть.

В фокусе внимания секции, конечно, политическая, социально-политическая журналистика. Именно здесь разворачиваются битвы. Мир втянулся в так называемый гибридные войны. Это войны, которые осуществляются самыми разными средствами. И СМИ, и журналистика здесь заиграют не последнюю роль. Сегодня есть целый ряд стран, которые неизвестно, находятся они в состоянии войны или не находятся. Например, на Украине война или не война. Здесь многое зависит от слов, которыми описываются события. Антитеррористическая операция, аннексия, захват. В такого рода войнах практически неотделимы понятия «фронт» и «тыл». Поражения, которые наносятся сознанию населения, часто оказываются существеннее и разрушительнее, чем поражения в живой силе.

СМИ в этой войне находится на передовой линии. Здесь нужны иные журналисты, поскольку это другая журналистика, а возможно, уже даже не журналистика. Есть, например, сценическое фехтование, есть спортивное фехтование на саблях, а есть боевое фехтование. Всем этим видам учат в разных местах, разные люди, с разными целями и оценивают это все по разным критериям. Идет информационная война, и она очень мощная эта война. И поэтому то, что мы видим на телевидении и прочее, это часть той войны. Иногда мы ее принимаем за журналистику. Но там очень малая часть традиционной журналистики факта, там больше оценочного, иногда вообще нет фактов, а одни оценки. Это в чистом виде пропаганда. Особенно она становится заметной, когда мы по всем каналам получаем примерно одно и то же.

Но участие в такого рода войнах — это не свободный выбор страны, а необходимость. Война всегда навязывается одной стороной другой стороне. И средства в такого рода войнах выбираются без серьезной оглядки на политкорректность, этику, приверженность факту, сдержанность в комментировании. Воюют на этом фронте люди, имеющие часто журналистское образование, но они уже не журналисты — они бойцы. У части населения они вызывают уважение, поскольку зомбируют людей за счет определенных приемов — потока слов, расширенных глаз, крика, специально подобранных иллюстративных материалов, порой не имеющих прямого отношения к предмету разговора. У другой части населения они по этой же причине вызывают отторжение и чувство брезгливости. Единственное, в чем есть выбор, — это выбор журналиста участвовать или не участвовать в этой войне. Понятно, что участие хорошо оплачивается, возникает популярность, дают эфиры, приглашают на престижные приемы и т. д. Это серьезное искушение и не все могут с ним справиться.

Тут нельзя не сказать, что полем битвы являются в основном собственные граждане, а поскольку враждебная информация до большинства не доходит, то они оказываются во власти такого рода журналистики, которая использует весь арсенал пропаганды, того, что называется *Geschichtspolitik* — историческая политика (то естьвольная трактовка исторических событий в целях решения текущих политических и пропагандистских задач).

У нас на кафедре социально-культурных технологий сейчас выходит монография, которая называется «Социально-культурные регуляторы и синхронизаторы». В числе синхронизаторов там описываются и СМИ. Основоположник системного подхода У. Эшби отмечал, что для эффективного управления управляющей системой должна быть не просто сложнее управляемого объекта, а во много раз сложнее. Если же этого нет, то у власти есть два пути: либо усложниться за счет привлечения к сотрудничеству носителей иных идей, технологий, ценностей; либо же предельно упростить управляемый объект — то есть общество. Вторым путем проще. Поэтому для власти хорошо, чтобы народ думал одинаково. Вот СМИ и используются как социальный синхронизатор.

В названии секции есть слова «свобода СМИ». Сегодня наша журналистика находится в сложном положении. Принято множество законов в дополнение к уже имеющимся и уже нельзя осуществлять действия, оскорбляющие религиозные чувства, нельзя обсуждать итоги Второй мировой войны. В Думу внесено предложение дополнить ст. 354 УК «Реабилитация нацизма»: состав преступления — «публичное приравнивание политического режима СССР к режиму нацистской Германии». Все это некие внешние ограничители журналистики. Но есть и другие. Яркий пример, характеризующий ответственность СМИ, — расстрел редакции журнала “Charlie Hebdo”. У меня была дискуссия с одним известным правозащитником, который, как и другие правозащитники говорил одно: стрелять в любом случае нельзя. У меня был встречный вопрос: а все остальное можно? Нужно понимать, что ответственность все чаще настигает журналиста и принимает форму смерти.

Как представляется, одна из главных составных частей профессии журналиста — это вменяемость. Вменяемость — это понимание связи между твоими действиями и последствиями. Нельзя просто так писать, а свобода слова — это прежде всего ответственность за слово, понимание того, как оно отзовется. И мы, наверно еще лет 50 будем переживать довольно сложный этап становления того, что называется этика, ответственность, ну и, конечно, профессионализм.

Ю. И. ВДОВИН: — Почему нормальная судебная процедура неприменима к журналистам из этого журнала? Но сразу хочу сказать, что стрельба — это не выход.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — По идее, конечно, оскорбленные могут в судебном порядке реализовать свои права и призвать журналистов к ответственности. Или же оскорбленные должны были нарисовать и опубликовать карикатуры на журналистов. Но те, кто расстрелял журналистов, не умеют рисовать карикатуры. Если редакция публикует подобные карикатуры, значит, она избирает определенный путь. Нужно понимать, что оскорбление чувств — любых — религиозных, любовных, патриотических, сыновних и т. д. — порождает острую и не всегда контролируемую субъектом действия реакцию. Не случайно состояние аффекта фиксируется психиатрами именно в ситуации оскорбления чувств, и суды принимают этот факт, влекущий за собой признание подсудимого невменяемым.

В сфере религиозных чувств не работают сознание, радио. У них есть один аргумент — в виде автомата. И те, кто рисует карикатуры, знает об этом. Конечно, в цивилизованном обществе на обидчика подают в суд. Но здесь ситуация иного рода. Представим себе, что мальчик сидит на заборе и бросает камни в собаку внизу и дразнит как может. Потом он теряет равновесие и падает с забора на землю. И собака его кусает многократно. По представленной логике нужно предложить собаке тоже начать бросать в мальчика камнями. А она имеет только зубы...

Когда-то в 1960-е годы в какой-то африканской стране аборигены съели посла Швейцарии во время его

поездки в глубь страны. Швейцария подала иск в ООН, а представители той страны ответили, что в качестве компенсации предлагают швейцарцам съесть их посла.

В данном случае произошло столкновение двух культур: одна — правовая, рациональная, другая — эмоциональная культура. Одни «бьют» карикатурами, а другие — по карикатурам и карикатуристам. Это культуры, которые встречаются, но практически не понимают друг друга.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Слово предоставляется Лидии Владимировне Матвеевой.

Л. В. МАТВЕЕВА: — Я занимаюсь психологией массовой коммуникации 30 лет (факультет психологии МГУ). Тема моего выступления — «Три искушения современной журналистики» («Психологическая безопасность человека в информационной среде»).

Первое искушение — это свобода слова. Это та самая священная корова, которая вынесена в Конституции многих стран, и для журналистов она стала провокацией профессии. Почему? Потому что оказалось, что слово обесценивается, слово можно продать, слово можно интерпретировать. И если учесть, что вообще есть такой грех — словоблудие, то в принципе журналисты очень часто впадают в этот грех, даже не рефлексируя это падение.

Причем слово журналистское, будучи умножено на мощь техники, воздействует на все уровни психики человека. Это воздействие на биофизическом уровне, то есть на уровне волн; на биохимическом — это эйфория; на психофизиологическом — это эмоциональное состояние; на уровне чувств — это любовь — агрессия к другому человеку; на дистенциальном уровне — ценность жизни и смерти; шестой уровень — ценностно-смысловая притягательность; седьмой уровень — динамический — деятельностный; коммуникативный уровень — это диалог или манипуляция, мы включаем человека в коммуникацию, либо в качестве объекта, либо как субъекта взаимодействия; на социальном уровне — это иерархия — элитный человек; на рефлексивном — это образ либо идеальное пространство и на временном — это либо человек как символ истории, объект истории или человек, живущий здесь и сейчас. То есть, говоря свое слово, мы на всех уровнях программируем человека. И журналисты должны понимать это.

Второе искушение — это образ журналиста. Образ журналиста СМИ стал ведущим. Когда-то председатель Гостелерадио Сергей Георгиевич Лапин говорил, что журналист имеет право только свое ухо показывать на экране и не больше. Все остальное в кадре должны заполнять герои. Журналист должен быть за кадром. Сейчас журналиста показывают крупным планом, с кудряшками, с колечками голыми, молодые люди с животиками, с лысиной и, как правило, герой на заднем плане. Лицо журналиста стало главным. Но активная фаза жизни журналиста в СМИ — максимум пять лет, потом происходит выгорание личности (вспомним Евгения Киселева и Леонида Парфенова), люди достаточно быстро уходят из профессии.

Третье искушение — это искушение технологией. Дело в том, что сейчас разработана система, такая мощная манипулятивная технология, под названием «Окно Овертона», автор которой — Джозеф Овертон. Эта технология сейчас применяется активно для продвижения педофилии, гомосексуализма и различных неолиберальных тенденций в области СМИ. Суть ее состоит в том, чтобы неприемлемое через пять шагов сделать популярным и общепринятым. Первый шаг — от немислимому к радикальному — через симпозиумы. Второй шаг — от радикального до приемлемого — переназывание факта. Третий шаг — от приемлемого до разумного — это организовать общественное движение в защиту меньшинства. Четвертый шаг — от разумного к популярному — сделать это популярным. И наконец — от популярного — к закону — то есть законодательно утвердить в думе, в сенате, где угодно, права меньшинства с какими-то особыми настраиваниями. Эта технология сейчас очень активно используется в журналистике как способ легализации любой экстремальной или патологической идеи.

Виталий Товиевич задал важный запрос о нормальности человека, идущего в журналистику. Приведу пример: я 15 лет проработала на телевидении психологом у Г. А. Шмелева, Лесина, советником Щеголева. Мы проводили тестирование известных журналистов разного уровня, начиная с руководителей и заканчивая простыми журналистами, с использованием пяти психологических тестов (в монографии «Психология телевизионной коммуникации», 2000, описаны восемь портретов: режиссера, администратора, журналиста, выпускающего редактора, художественного редактора и т. д.).

Я нарисую портрет, составленный на основе результатов психологических тестов телевизионных журналистов. Главная черта — общительность, направленность на получение информации из внешнего мира. Общаясь с людьми, он вольно или невольно стремится предстать в наиболее выгодном свете. Демонстративен, выражает свою озабоченность тем, какое впечатление производит на окружающих людей. Вторая важная черта — сила эго. То есть он свободен от невротических симптомов, не рефлексивен, умеет держать себя в руках, проявляет уверенность в себе, демонстрирует самоконтроль, умение управлять своими эмоциями и поступками. При этом телевизионные журналисты не показывают высокого интеллекта, но обладают высокой самооценкой. Это означает, что человек уверен в том, что он придумал (даже если эта придумка не очень хорошего качества). Они не способны к рефлексивному, системному мышлению, но при этом умеют продвигать свои идеи в общество. Мы находимся во власти личностных особенностей людей, которые приходят в журналистику.

Мы оказываемся в результате во власти личностных особенностей тех людей, которые приходят в журналистику. Поэтому я, как психолог, хочу предложить, чтобы когда набирают персонал в медийные холдинги, обязательно проводили психологическое тестирование на личностные особенности и уровень адекватности понимания реальности.

Н. С. ЗЕЛИКИНА, *заместитель заведующего кафедрой журналистики СПбГУП по учебной работе, кандидат исторических наук, доцент*: — Не думаете ли Вы, что тестирование, учет психологических факторов личности необходимы не только во время приема на работу, но уже при поступлении на факультет журналистики? Может быть, следует дорабатывать учебный план специальности путем введения дисциплин, которые корректировали бы определенные психологические особенности?

Л. В. МАТВЕЕВА: — Это разумная точка зрения. В силу того что журналистика является четвертой властью, эти люди обладают правом влиять на других людей с помощью технологических средств и должны отвечать за это. Мы обязаны читать будущим журналистам курс психологии воздействия, психологии влияния, они должны быть способны к рефлексии личности. Поэтому нужно не только отбирать студентов, но и вводить в учебные планы психологические дисциплины различного характера, не только социальные, но и психологию личности, управления собой, чтобы журналист мог отвечать за то, что он делает. То есть необходимо повышать его внутреннюю рефлексивность, и тогда появится ответственность.

Я проработала пять лет главным психологом в компании «Видеоинтернешнл» под руководством М. Ю. Лесина. Пока он не стал министром, ему нужны были психологи. Как только он занял высокую должность, психологи стали не нужны, потому что он получил право и власть продавать время в эфире (здесь рефлексия мешает, ей противоречит голос совести).

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Вы сказали, что эффективная жизнь журналиста длится всего пять лет. Неужели Евгений Киселев и Леонид Парфенов прекратили существование как журналисты через пять лет?

Л. В. МАТВЕЕВА: — Имеется в виду активная жизнь в эфире. Происходит личностное выгорание. Сначала это обаятельный, милый, умный журналист, с интеллектуальным юмором. Но после длительного пребывания в эфире происходит деформация — начинается самолюбование, вписывание себя в элиту, и человек превращается в клоуна. Например, Собчак из привлекательной светской львицы превратилась в клоуна. Такова логика развития образа в эфире.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Слово предоставляется Максиму Анатольевичу Мануильскому.

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ: — Мой доклад называется «Научные журналы в контексте реализации национальных интересов России» (с ним можно ознакомиться на сайте). Замечу лишь, что в этой области сложилась трагическая ситуация. Продвижение отечественной науки и научных журналов на Запад сейчас напоминает ситуацию с картами «Visa Classic» и «MasterCard»: существуют международные площадки, которые монополизированы тремя международными

фирмами, диктующими правила, и пока мы в эти рамки не вписываемся.

Я хотел бы коснуться тех проблем, которые поднимались на пленарном заседании и на заседании нашей секции, в частности проблемы свободы слова, которая уходит своими корнями в далекое прошлое. В России можно говорить что хочешь и где хочешь (для этого есть определенные средства массовой информации, газеты и т. д.). Проблема не в том, что нужно что-то сказать, а в том, чтобы тебя услышали и поняли.

Поясню на примере. Я работаю с женщиной, которая ежедневно слушает две оппозиционные радиостанции — «Серебряный дождь» и «Эхо Москвы», ненавидит Собчак и Венедиктова. С упорством, достойным лучшего применения, она каждое утро рассказывает нам о том, что вещали на этих каналах. Эти каналы услышаны, они говорят то, что считают нужным, в известной степени поняты (во всяком случае если считать, что неприятие является актом понимания). В чем на самом деле заключается проблема? Не в самой свободе слова, а в том, что времена обращения автора к читателю, слушателю закончились со смертью Анны Павловны Керн, которой А. С. Пушкин написал в альбом замечательные стихи. Сейчас мы коммуницируем, а всякая коммуникация предполагает в той или иной степени манипулирование. Причем я не вкладывал бы в слово «манипуляция» сугубо отрицательный смысл, все-таки в этом есть технологический момент, на котором построены средства массовой информации, и позиция журналиста, властей, которые диктуют свою позицию, коль скоро речь идет о коммуникативных процессах, связанных с технологиями. Я бы назвал это ментальными ловушками. То есть в коммуникации вольно или невольно происходит перенос некоторых значений.

Считается, что понятия «свобода», «демократия», «патриотизм» — это абсолютные ценности, хотя сейчас, как известно, идет активный пересмотр их значений. Но дело даже не в том, что это абсолютные ценности, а в том, что эти понятия в массовом сознании одобряемы, принимаемы, то есть к ним относятся положительно. Понятие из одного конструкта, допустим «патриотизм», «9 Мая», переносится в другой, который вроде бы на ту же тему, но немного иной. Выясняется, что Власов боролся за национальную независимость России, Бандера делал то же самое только за Украину. Это издержки ситуации, типичная ментальная ловушка, когда понятия одного порядка используются в другом контексте (причем не всегда это делается сознательно).

Господин Кент сказал, что мы работаем в той ситуации, которая сложилась. Коммуникация (не хотелось бы затрагивать теории заговора и обвинять во всем журналистов) — это все-таки двусторонний процесс, и, кроме автора, есть еще и реципиент, то есть слушатель или зритель. Здесь важен контекст, в котором находится слушатель. Надо учить человека воспринимать информацию, хотя бы на уровне недоверия.

Л. В. МАТВЕЕВА: — Какая ситуация сложилась с научными журналами?

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ: — Существует несколько международных платформ (“Scopus”, “Web of Sciences” и т. д.), куда дорога отечественным журналам заказана, не удастся создать и собственную научную информационную платформу, что, например, смогли сделать китайцы. И самое главное — что от этой проблемы самоустранилась Академия наук.

Л. В. МАТВЕЕВА: — Возможно, лоббирование интересов?

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ: — Недавно представитель издательства “Elsevier” заявил, что для того, чтобы работу опубликовали в этом издательстве, нужно соблюсти определенные требования, а потом добавил, что это можно сделать за 7 тыс. долларов. Если что-то можно купить за деньги, то это нужно сделать. Другое дело, что: а) этим никто не занимается; б) как всегда, нет денег.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Мне импонирует ваш тезис о ментальных ловушках — они расставлены везде. На пленарном заседании со ссылкой на Вернадского было сказано, что СССР пытался отсрочить начало Великой Отечественной войны, потому что чувствовал свою неготовность. Если попасть в эту ментальную ловушку, то можно полагать, что СССР сделал все возможное для этого, но странными методами — уничтожая высший командный состав собственной армии. И когда начинаешь задумываться, то теряется смысл сказанного: как можно совместить уничтожение высшего командного состава собственной армии и подготовку к войне?

Г. М. БИРЖЕНЮК: — На трибуну приглашается Алена Сергеевна Мусатова.

А. С. МУСАТОВА: — Все проблемы, которые поднимались на пленарном заседании и на нашей секции, безусловно, важны и, в частности, отражены в моем докладе. Например, Михаил Гусман на пленарном заседании много говорил об информационном обществе, в котором мы живем. Добавлю лишь, что сегодня возрастает роль массовой коммуникации из-за срединного положения СМИ между властью и обществом. Собственно, не только отражая реальность, но и конструируя ее, они осуществляют взаимодействие населения с политической средой. В то же время медиа все больше превращаются в аналог реальности, а журналисты из трансляторов информации (то, что они должны делать) — в трансляторов смыслов, как отметил предыдущий оратор.

Становится очевидной необходимость контроля за информационной повесткой дня со стороны государства, что, по мнению исследователя дискурса Т. ван Дейка, осуществляется посредством доступа к ресурсам коммуникативного доминирования, то есть к медиа. Во многом именно в контроле над медиа заключается их политизация. Обратный процесс также важен, так как средства массовой коммуникации становятся основной средой политической коммуни-

кации, именно там разворачиваются политические баталии, что является главной чертой обратного процесса — медиатизации политики.

Роль медиа была определяющей в постсоветский выборный период 1996 года. Свидетельством обратного процесса политизации медиа стало превращение политики в «зазеркалье». Арена политической борьбы сместилась с политического пространства в символическое. Нюанс является ключевым процессом медиатизации политики, он характерен для ситуации, когда в политическом пространстве, реальной жизни не происходит каких-либо важных событий, их нужно создать искусственным путем или скрыть в реальной политике. В этом ключе рассуждал и Ж. Бодрийяр, который считал массовые коммуникации специфическим средством, декорацией идей, призванной оказывать влияние на людей. В таких условиях внимание политиков концентрируется не на собственной деятельности, а на создании своих образов. Важно не то, что происходит в реальной жизни, а то, как преподнесут это в СМИ. В этом и проявляются основные характеристики публичной политики — это виртуализация и медиатизация.

Опосредованность общественной жизни образам позволяет говорить о том, что сегодня мы живем в «обществе спектакля», о котором писал Г. Дебор. Как только спектакль перестает о чем-либо говорить, событие превращается в несуществующее. Поэтому политически действенным становится только то, что показано и о чем рассказано в средствах массовой коммуникации. Медиа при этом становятся важным источником распространения новостей, мнений экспертов, во взаимодействии они создают информационную картину мира и формируют общественное мнение.

Все чаще политические цели достигаются посредством пропагандистских методов в журналистике. Наиболее распространенным приемом является создание мифологического пространства, о котором писал Ролан Барт. Мифы помогают наиболее доступно, эффективно и наглядно продемонстрировать убеждения автора относительно каких-либо суждений.

Например, президент Украины П. Порошенко на Всемирном экономическом форуме в Давосе 21 января 2015 года продемонстрировал фрагмент обшивки автобуса, якобы подорванного ополченцами. С точки зрения Р. Барта, материальный носитель — желтый кусок обшивки обстрелянного под Волновахой автобуса — можно рассматривать как продукт мифотворческой деятельности. Согласно двойной структуре мифа первым означающим являлся металлический кусок обстрелянного автобуса. Второй уровень мифа создавался посредством проведения ассоциативных связей этого куска с российской агрессией. Как сказал П. Порошенко, это символ террористической атаки против Украины с российской стороны, то есть он наглядно продемонстрировал факт российской агрессии.

Эффективность мифотворчества заключается в том, что оно действует сильнее рациональных доводов и ориентировано на подсознание, о чем вчера на пленарном заседании говорил А. С. Запесоцкий. Переход политики в область символического пространства Ж. Бо-

дрийром был воспринят как исчезновение подлинной реальности и замена ее на медиареальность. Образы действительности создаются посредством применения власти и медиа. основополагающим принципом реализации властных установок является симуляция. Происходит подмена реальной картины практиками тотальной симуляции. В этом я вижу их угрожающую силу. Создаваемая виртуальная реальность оказывает влияние на социально-политическую обстановку.

К примеру, на Западе сейчас активно муссируется мнение о российской агрессии на Украине, формируется образ врага в лице российской власти, зачастую лично президента России. На практике подобные сценарии нередко становились оправданием для дальнейших военных действий (вспомним, к чему привели события в Ливии).

Однако если на расстановку сил в медийном пространстве повлиять достаточно сложно, то защититься от практик симуляции вполне возможно. В. А. Емелин видит в качестве такой защиты ироничное восприятие действительности. Применение этого действенного способа активно демонстрируют наши политики.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Слово предоставляется Юрию Александровичу Запесоцкому.

Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я хотел бы описать события, которые, на мой взгляд, имели место в российской журналистике. В советские времена в нашей стране журналистика находилась полностью под контролем, существовала цензура и возможности журналистов были крайне ограничены. Журналист делал то, что от него требовалось. В 1990-х годах, после распада Советского Союза, в нашей стране появилась свобода слова во всем ее многообразии. После запретов журналисты почувствовали свободу и имели возможность выговориться. В то же время появились средства массовой информации, которые были ориентированы на коммерческий успех, поскольку пришло время рыночной экономики и необходимо было зарабатывать. Это была эра печатных изданий вроде «СПИД-инфо», «Калейдоскопа», «НЛО». На рынок стали проникать крупные коммерческие структуры, в том числе иностранные, и покупать российские СМИ. Естественно, через них оказывалось определенное воздействие. Апогеем этого периода стал полный хаос на рынке массмедиа.

Период 2000-х годов начался с трагедии на подлодке «Курск», двух чеченских войн. Стало понятно, что частному капиталу принадлежат не только некоторые газеты, но и телеканалы, где мощь альтернативных точек зрения проявила себя в полной мере. Власть тогда поняла, что для стабилизации ситуации необходимо вернуть контроль над крупнейшими СМИ. Было принято решение о том, что все телеканалы должны контролироваться властью, при этом ряд печатных СМИ был оставлен для того, чтобы аудитория с оппозиционными взглядами могла иметь платформу.

К 2010 году ситуация коренным образом изменилась. Это период арабских, «цветных революций», выборов Президента Российской Федерации. Угрозой для

власти стал Интернет, где протекают процессы, с точки зрения власти, стихийные или регулируемые извне. Власть организовала контроль над Интернетом, например при помощи законов, позволяющих блокировать определенные сайты, а также заявила о необходимости регистрации блогеров как средства массовой информации при наличии более трех тысяч подписчиков, приобретения крупнейших онлайн-СМИ и взаимодействия с олигархами, которым принадлежат онлайн-СМИ, с целью замены редакционного руководства и, как следствие, журналистских составов. Но этим не ограничились, потому что ситуация была очень уязвимая. Дальше то же самое стало происходить с печатными СМИ, радиостанциями: был куплен ряд крупнейших радиостанций, и иностранный капитал ушел из России, получив прибыль, но оставшись без медиаактивов.

Контроль над СМИ сыграл позитивную роль. Влияние террористических и международных организаций внутри страны существенно снизилось, но возникли побочные эффекты из-за невозможности журналистов объективно отражать действительность, писать и говорить о том, о чем они хотели бы. Сейчас на фоне ситуации на Украине усилились настроения ура-патриотического характера или квасного патриотизма. У сплоченности, помимо положительной стороны, есть и негативная — усиление идентификационных вопросов наподобие «свой-чужой». Причем это деление распространялось не только на национальные, религиозные проблемы, но и на профессиональные, вопросы половой принадлежности, сексуальной ориентации и т. д. Сейчас мы наблюдаем ситуацию, когда в обществе на бытовом уровне происходит намного больше конфликтов, чем могло бы.

Насколько были оправданы действия власти в рамках той субъективной схемы, которую я обрисовал? На мой взгляд, это неоднозначный вопрос. Власть получила контроль, но и побочные эффекты этого очень серьезные. Может ли западная система СМИ, построенная на демократических принципах, успешно функционировать в России? Запад навязывает свои ценности многим традиционным культурам. Сейчас в США введена новая профессия — представитель по интересам нетрадиционных сексуальных меньшинств. Ряд африканских стран остро отреагировал на данный факт, ужесточив законы и ответственность за гомосексуализм. Примерно то же самое мы наблюдаем и в России.

Несколько слов по поводу зарубежных СМИ. В данный момент в России свобода слова отсутствует. За рубежом наблюдается похожая ситуация. На мой взгляд, ни в одной стране мира нет свободы слова. То, как ведет себя Россия в сфере СМИ, — это защитная реакция на агрессию Запада. Сейчас Россия на международной арене преподносится как агрессор, но агрессором является не Россия, а США. Только обвинять их в этом я не собираюсь, потому что для Америки культурное пространство разных стран — это рынок, на котором они должны внедрять, продвигать свои ценности, приоритеты, для того чтобы завоевать большую его часть. Это американское мышление, сформированное десятилетиями, рыночная экономика в полном смысле

этого слова, стиль жизни. Только почему-то войны, которые в результате возникают, происходят на территориях других стран, и страдает от этого население других стран.

Сейчас подобная ситуация разворачивается в нашей стране и в значительно большей степени — на Украине, где жители страдают из-за того, что крупнейшие мировые державы оказывают влияние на процессы, происходящие внутри страны. Америка и ее партнеры за многие десятилетия идеально отработали технологию ведения информационной войны. Россия научилась оперировать этими инструментами и может дать ответ. Присоединение Крыма — показательный момент: если вы будете проявлять агрессию, значит, мы будем вынуждены предпринимать контрдействия. При этом то, что происходит на самом деле, совершенно не важно, потому что СМИ (российские, американские и европейские) создают собственную картину мира, которая не имеет никакого отношения к действительности.

Сейчас представители российской стороны категорично относятся к мнениям, высказываемым на Западе. Традиционный зарубежный подход является отторжением российской точки зрения, но при этом возможна ситуация, когда представитель США не поддерживает американскую власть, или участник, разговаривающий на русском языке, не поддерживает российский подход.

Мир сошел с ума. Нам хочется подраться (желательно без ядерного оружия, чтобы не ликвидировать нашу страну или Америку), захватить территории и рынки, другим хочется уважения и славы.

В результате противодействия сложилась ситуация нехватки объективности, компромиссов, людей, специалистов, которые занимали бы нейтральную позицию и объективно преподносили информацию. Я призываю сделать шаг навстречу, не переворачивать все вверх дном только из-за того, что мы должны поддерживать собственную позицию. Если диалога не будет, то, может быть, наша жизнь закончится значительно быстрее, чем природные ресурсы.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Я хочу поддержать Юрия Александровича в том смысле, что Запад действительно постоянно расширяет свое культурное и экономическое влияние.

Двести лет величайшая русская литература оплакивает долю женщины: «Доля ты! — русская, долюшка женская, вряд ли труднее сыскать». Но за это время не было создано ни одного русского изобретения, которое облегчило бы долю женщин (от кухни до спальни). А на бездуховном Западе были произведены холодильники, кухонные комбайны и т. д. Запад, распространяя свое культурное и экономическое влияние, имеет на это право.

Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Право быть агрессорами благодаря изобретениям — такая точка зрения имеет право на существование. Россия особо не отличилась за последние несколько десятилетий какими-либо изобретениями. Хотя можно упомянуть полет Ю. Гагарина в космос.

Ю. С. ГОЛИГОРСКИЙ: — Это не облегчает долю простых людей.

Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я с Вами отчасти согласен, у нас множество проблем, которые нужно решать.

Г. А. НИКИТИНА, старший преподаватель кафедры режиссуры мультимедиа СПбГУП: — На мой взгляд, докладчик представил искаженную, оценочную историю советской, российской журналистики. Я не вполне поняла, о чем шла речь, — о политике или журналистике? Юрий Александрович сказал, что мир сошел с ума и в СМИ выстраивается реальность, которая далека от действительности. Хочется понять, почему это происходит, почему такая реальность пользуется успехом у потребителей и каким образом она формируется, как журналистам нужно с этим бороться, как приблизить телевизионную реальность, реальность СМИ к действительности, реальной жизни и противостоять тем вызовам, которые перед нами ставят современный мир, политика, экономика.

Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Точка зрения, высказанная мной, носит субъективный характер, но я, как и любой автор, имею на нее право. С точки зрения профессионала, хочу сказать, что СМИ не могут не подчиняться рыночным законам, им нужно зарабатывать деньги, с точки зрения культуролога (моя кандидатская диссертация посвящена теме влияния брендов на культуру) — что в области СМИ необходимо государственное регулирование и, что наиболее важно, саморегулирование. Эти действия должны быть реализованы в рамках образовательных учреждений и т. д. К сожалению, на данный момент я смотрю на ситуацию пессимистически.

Т. КЕНТ: — У меня создалось впечатление, что предыдущие ораторы воспринимают журналистику как проблему, наметился отрицательный подход к нашей профессии. Трудно поверить, что журналист может быть честным. В докладах был представлен мир, в котором действуют нечестные журналисты, все черное или белое, везде цензура, осуществляются манипуляции журналистами и правительствами, а журналисты имеют психологические проблемы.

Наверное, все это существует. Но необходимо, чтобы были высказаны и положительные слова о нашей профессии. Я более оптимистично смотрю на журналистику и считаю, что в ней есть положительные моменты. Конечно, возникают препятствия, которые нужно преодолеть. Но люди — не просто пешки, которые живут в мире, созданном современными журналистами.

Когда вы будете читать информацию в Интернете, я призываю вас искать честные, объективные источники информации. Сначала следует ознакомиться с корреспондентским материалом, в котором излагаются разные точки зрения (не только Госдепа и МИДа России), передается смысл. Можно не соглашаться с российской или американской позицией в отношении Украины, но в то же время понимать ее и даже

уважать. Наш мир разноцветный, в нем есть не только хорошие и плохие люди. Читая статьи, материалы, вы можете просматривать ссылки, чтобы увидеть, какими источниками пользуются авторы. Если источники не указаны — это тревожный сигнал. Можно использовать источники информации, предполагающие обратную связь. Кроме того, привлекать транспарентные источники информации, чтобы понять, каких убеждений придерживаются журналисты. Я надеюсь, что вы в конце концов найдете источники, которые помогут обрести вам надежду на будущее журналистики.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — К микрофону приглашаете Максим Русланович Проскуряков.

М. Р. ПРОСКУРЯКОВ: — Мне приятно представлять здесь ту часть информационного пространства, которая относится к связям с общественностью и рекламе.

Мир коммуникаций, информации стремительно меняется. В 2014 году Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) опубликовал на сайте интересные результаты опросов. Приблизительно 40 % россиян черпают информацию из телевизионных программ, около 38 % получают информацию из Интернета, 8 % доверяют газетам и пользуются печатными изданиями.

Мы видим, как изменилась парадигма. Проблема заложена в исходном значении этого термина — это вызов и современному журналисту, и современному рекламисту, потому что сегодня человек, работающий в сфере массовой информации и коммуникации (старый он или молодой, глупый или умный, красивый или не очень), должен учиться так, как никогда до этого. Сегодня здесь упоминались современные технологии, например нейролингвистическое программирование, онлайн-продвижение изданий и журналистских произведений, благодаря чему публикация может подняться вверх в поисковой строке.

Один из выступавших спросил: если в «Литературной газете» печатаются умные и интересные материалы, почему же она находится в самом низу поискового рейтинга и ее никто не читает? На самом деле это не так. Почему бы «Литературной газете» или уважаемому журналисту, который хочет быть услышанным, не потратить время на свое самообразование или самообразование и не изучить вопрос, как сделать так, чтобы публикация оказалась наверху рейтинга?

Сегодня меня, как и многих людей старшего поколения, печалит пренебрежительное отношение к новым веяниям, изменениям. Люди привыкли жить в старом мире, которого уже нет, — реальность стала виртуальной. Набор инструментов, которые позволят вам стать или быть, казаться или являться, абсолютно открыт. Любой человек может зайти в Google и сделать так, что завтра его поэтическое произведение будет в первых строках поисковой системы. Для этого не нужно больших денег, вы должны просто учиться.

Возникает новая реальность, в которой журналистика является частью функционирующего механизма

и информационный повод распространяется по определенным законам. И не важно, «уронили» «Боинг» на Украину специально или он сам упал, это всего лишь информационный повод.

В ходе чтения курса по нейролингвистическому программированию мне не давал покоя вопрос: «Насколько элементы манипуляций, лжи проникли в средства массовой информации?» Я провел эксперимент: предложил студентам в течение семестра принести мне первую полоску газеты, в которой не будет использован ни один прием манипуляции. За семестр накопилась стопка газет. Мы со студентами разбирали эти материалы на основе тех знаний, которые они получили, но не нашли ни одного издания, не использующего манипулятивные технологии.

Сегодня ответить на вопрос о том, ложь это или правда, может только человек, обладающий знаниями. Вы никогда не определите, манипуляция это или нет, если не знаете, как это делается. Если вы работаете в СМИ, то сможете ответить на вопрос. То, что вы увидите, может вас или ввергнуть в уныние, или удивить, но это будет мнение знающего человека, эксперта. Сегодня поисковые системы уже не справляются с потоками контента, который выпускают журналисты, рекламисты. Процесс формирования информации нельзя урегулировать, что было возможно в минувшие десятилетия. Возникает проблема экспертизы материалов (и здесь, и за рубежом). Проблема заключается в том, как выделить из этого потока информации подлинное и неподлинное, как понять, что должно быть, а чего не должно. Никто не может сказать, кто будет экспертом, определяющим истинность или лживость. Церковь? США?

Я хотел бы напомнить этимологию слова «этика». Изначально в греческом языке это слово означало некое привычное внутреннее пространство, в котором осуществляются постоянные действия. Этика, о которой много рассуждали на пленарном заседании, — это не теория, а образ жизни человека. Ответ на вопрос о том, как понять исходя из своего образа жизни.

Когда я увижу в Дебальцево не репортера с камерой, снимающего несчастную пожилую женщину, у которой снарядом разрушило дом, а человека, который подходит к ней и помогает дойти до дома, дает ей одежду, хлеб, я пойму, что это правда. Потому что есть язык войны, доступный и понятный. На Ближнем Востоке США прессуют арабские страны, освобождая «нефтяной треугольник», чтобы через десятилетия договориться с самым свирепым из оставшихся командиров и продавать нефть в Европу. Пережать украинскую артерию, чтобы страна стала недееспособной на долгие десятилетия, — это язык войны.

Язык любви и отношения к другому человеку связан с христианскими ценностями, гуманизмом, на котором выросла современная Европа, европейские и американские массмедиа. Этот язык может подсказать нам правильный путь и оценку происходящих событий.

Завершая свое выступление, хочу сказать, что не нужно бояться нового, желаю вам иметь много сил и возможностей, для того чтобы учиться, узнавать новое и снисходительно относиться к ошибкам другого.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Слово предоставляется Юрию Иннокентьевичу Вдовину.

Ю. И. ВДОВИН¹: — Современная ситуация характеризуется многочисленными и многообразными вызовами, которые бывают природными и цивилизационными. Под вызовами будем понимать опасности, которые грозят человечеству, странам, группам населения, отдельным гражданам...

Мир сталкивается с огромным цивилизационным вызовом — противостояние агрессивной ветви ислама, стремящегося к мировому халифату, отрицающему иудаизм, христианские и иных религий ценности, атеизм. Все «неверные» — не мусульмане — подлежат уничтожению, причем самыми варварскими способами... Наиболее остро проявляется эта беда на Ближнем Востоке в противостоянии арабских мусульманских экстремистов и Израиля, трагедии в Ираке, Сирии, безумные конфликты и локальные войны в Африке.

Как отрывка коммунистического преступного заблуждения — его продолжение в нашем веке — противостояние западной, в более широком, чем география, смысле этого понятия, демократической либеральной цивилизации и авторитарно-тоталитарных диктаторских режимов. Это надуманное и усиленное раздувание противостояния стран НАТО, Евросоюза странам с отсталой, из-за многовековой несвободы, экономикой и гуманитарной сферой. Тут и конфликты на постсоветском пространстве, в Чечне, Грузии, Средней Азии, на Украине, раздувание антиамериканизма в странах Латинской Америки. Россия после распада империи зла — СССР — пытается раздуть, по большому счету, глупейший цивилизационный конфликт, руководствуясь исключительно амбициями и необоснованным желанием считать 2 % населения земного шара великой державой, которая вправе навязывать всему миру свои тупые, реакционные и жестокие правила жизнеустойчивости...

Эти вызовы во многом определяют парадигмы современного понимания роли журналистики, ее миссии. Она может и должна объединять страны, народы, социальные группы в поиске решений по вызовам природы! Космос, климат, вулканическая активность, землетрясения — вот необходимая сфера совместных усилий!

Человечество на основе христианских и иных религиозных ценностей, атеистических, демократических, либеральных представлений должно искать способ нейтрализации агрессивных радикальных ветвей ислама, угрожающих всему человечеству. Но раздоры в условно европейски ориентированной части мира не позволяют объединить усилия перед этой общей опасностью. И СМИ не столько объединяют усилия стран

¹ Доцент кафедры журналистики СПбГУП. Заместитель председателя правления правозащитной организации «Гражданский контроль». Автор многочисленных публикаций по защите прав граждан, проблемам средств массовой информации, экологии, построения гражданского общества, в т. ч.: «Независимость, свобода и коррупция», «Демократы в 1991-м не доработали», «Уничтожить ГУЛАГ во ФСИНе», «Коммуналки. Навсегда?», «Россия недалеко ушла от Казахстана. К сожалению», «Движущая сила законодателей России», «Проблема доступа граждан к информации и СМИ в России» и др.

и народов, а скорее способствуют конфронтации, что существенно ослабляет нас перед указанными выше и иными вызовами.

Государство вообще должно существовать с одной-единственной целью — реализовывать права и законные интересы граждан. Если возникает вопрос о национальных, государственных интересах, то они могут быть только функцией решения задачи по реализации прав и законных интересов граждан.

Журналистика, СМИ должны реализовывать право граждан на информацию, чтобы на основе информированности, знакомства с различными точками зрения на происходящие события и факты граждане страны, читатели смогли сделать осознанный выбор. Я подчеркиваю: осознанный выбор, не навязанный, не сманипулированный, тогда государство будет процветать. В ходе обсуждения мы пришли к печальному выводу, что средства массовой информации в России и США плохие, занимаются манипуляциями. Во всем есть доля истины.

В этом зале собрались будущие журналисты, которых мы учим профессии. В частности, я преподаю студентам правовое обеспечение журналистской деятельности и журналистскую этику. Я иногда говорю, что преподаю дисциплины, предметная сторона которых, к сожалению, в действительности обнаруживается с большим трудом. Если журналистские кодексы, с которыми мы знакомим студентов, будут соблюдаться, как и законодательство Российской Федерации о средствах массовой информации, то все будет прекрасно. Но дело в том, что провозглашенные ценности в журналистской этике не исполняются в должной мере. Если мы будем исходить из этих позиций, то забудем о манипуляционных технологиях, программировании, которые исчезнут из журналистики.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Слово предоставляется Николаю Александровичу Донскову.

Н. А. ДОНСКОВ²: — Возможно, у студентов, присутствующих здесь, возникнет вопрос: «Что мы должны вынести из этого обсуждения?». Позволю свое краткое выступление сформулировать в жанре профессиональных советов. Замечу, что помимо того, что являюсь журналистом, я еще преподаватель СПбГУП. Мне довольно часто приходится отвечать на вопросы студентов: как быть и что делать в современном сложном информационном обществе. Да, ситуация сложная. Но не безнадежная. Залог успеха, на мой взгляд, — профессионализм.

Ориентируясь на предыдущие выступления, в качестве полемики хочу сказать, что ни в коем случае

² Доцент кафедры режиссуры мультимедиа и кафедры журналистики СПбГУП. Руководитель Северо-Западного и Северо-Европейского бюро «Новой газеты» (Москва), координатор международных проектов «Новой газеты» в Северной Европе, ведущий авторской программы на телеканале «Ваше общественное телевидение». Автор (в соавт.) 12 книг (на финском и шведском языках), сборников публицистики о политических социальных, правовых проблемах современной России. Член Союза кинематографистов России, Союза журналистов России. Награжден премиями «Золотое перо», им. Артема Боровика «Честь, мужество, мастерство».

нельзя смешивать маркетинг, рекламу и журналистику. Надо четко отдавать себе отчет в том, что это разные вещи, они преследуют совершенно разные цели. Цель журналистики — информирование общества, в то время как задача маркетинга и рекламы — продвижение товаров, пусть даже и оформленных в виде неких концепций и идей.

По поводу источников информации: это основа основ журналистики. Важные слова произнес господин Кент о том, что источники должны быть авторитетными, надежными — это азбука журналистики. Старайтесь никогда не идти на поводу у других средств массовой информации, хоть российских, хоть зарубежных, ищите собственные эксклюзивные источники, тщательно работайте с ними, проверяйте и перепроверяйте информацию — это залог вашей объективности, залог вашего успеха.

Несколько слов по поводу объективности в связи с событиями на Украине.

Я веду несколько международных проектов в Европе, в частности ряд проектов посвящен мониторингу мировой прессы — российской, украинской, европейской, американской. В разных странах разработкой данной темы занимаются несколько человек. Мы пришли к выводу, что из публикаций мировой прессы очень трудно составить объективную картину событий, ее не существует. Из лучших образцов, по моим личным наблюдениям, если говорить о западных СМИ, я могу назвать Би-би-си и ряд немецких изданий. Но в целом объективной картины событий в мировых СМИ нет. В одном случае превалирует точка зрения одной стороны, в другом случае — другой стороны. Российские СМИ, естественно, дают российскую точку зрения, украинские и вслед за ними мировые СМИ преподносят, как правило, исключительно украинскую точку зрения. Как в одном, так и в другом случае односторонняя информация не является объективной, в итоге это приводит к искажению трактовки происходящих событий у массового читателя.

Что делаю я как журналист для того, чтобы все же получить более адекватное представление о происходящем? Самый эффективный способ — работа с первоисточниками. В Интернете можно найти много нецензурированной информации, без каких бы то ни было комментариев. Часто люди сами снимают на смартфон то, что происходит, и выкладывают эти ролики в Интернет. Наблюдая и анализируя их, можно самостоятельно сделать выводы о происходящем. Конечно, не надо абсолютизировать Интернет и безоговорочно доверять всей сетевой информации. В Интернете представлено все что угодно, в том числе откоро-

венная дезинформация и ложь. Я призываю вас действовать разумно. Сетевая информация — это лишь первичный этап сбора информации, затем ее надо тщательно проверять.

Еще один очень важный для меня источник информации — это свидетели, очевидцы, люди, которые находятся в гуще событий. Общайтесь с ними, тем более что вы, как журналисты, обязаны это делать. Затем суммируйте все полученные вами данные — только так вы сможете создать панорамную картину событий.

На моих телевизионных программах, которые я семь лет веду в прямом эфире на канале «Ваше общественное телевидение», много раз присутствовали граждане Украины. Люди, с которыми я общался в эфире, представляли разные точки зрения, но в любом случае они описывали ситуацию глазами очевидцев, глядя на происходящее с места событий, а не со стороны. Этот способ — получение информации от первоисточника, а не от комментаторов — доступен любому журналисту. И именно так должен поступать профессиональный журналист.

Виталий Товиевич Третьяков иронично сказал, что современному телевидению не нужны умные журналисты, что клоунам, шоуменам проще сделать карьеру. Тем не менее смею утверждать, что умные журналисты тоже нужны, просто у них будет другая аудитория. Если вы выберете карьеру шоумена, вас будут смотреть миллионы. Но вы можете избрать другое направление — общаться с умными людьми, таких людей, конечно, всегда меньше. Да, ваша аудитория будет меньше, но зато и авторитетнее. Только не забывайте, что для того чтобы общаться с умными, образованными людьми, вам самим надо быть такими, для этого вам нужно серьезно заниматься самообразованием, без этого в серьезной журналистике делать нечего.

Сегодня много говорилось о свободе СМИ, свободе слова, свободе выражения мнений. За эту роскошь — говорить людям то, что вы думаете, — часто приходится платить высокую цену — будьте к этому готовы. Шестеро моих коллег из «Новой газеты» заплатили за это право своей жизнью. Вы должны понимать, что это очень дорогая привилегия — иметь возможность и иметь право нести свое слово людям.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Уважаемые коллеги, заседание нашей секции подошло к завершению. На мой взгляд, состоялась плодотворная, интересная дискуссия, материалы которой будут опубликованы. А что не удалось обсудить, то отложим на следующие Чтения.